

• Русскому человеку свойственно не ссориться, жить в согласии с душой и установленными правилами: «Полно судиться: не лучше ль помириться?», «Худой мир лучше доброй драки», «С любовью мирись, а с грехами бранись!».

• Правонарушения, воровство – наказуемое, постыдное деяние: «Воровство – последнее ремесло», «Украсть – в беду попасть», «Ни от камня плода, ни от вора добра», «Лучше по миру собирать, чем чужое брать», «Вор ворует не для прибыли, а для гибели».

• Адресация к совести, покаяние: «Повинился, да не отмолился», «Греха не утаишь», «В чем грех, в том и покаяние».

• Божий суд: привлечение внимания к той истине, что кара грозит всем нарушителям закона, даже если преступник скрылся от наказания: «Не скор Бог, да меток», «От людей утаишь, а от Бога не утаишь», «Бог виноватого найдет», «Бог всякую неправду сыщет», «От Божьей власти не уйдешь», «Молись, а злых дел берегись».

Пословицы несут заряд правильного, верного поведения. В емких фразах скрыты глубокие мысли. Изучение и понимание пословиц очень важно для развития правовой культуры и для надлежащего воспитания подрастающего поколения. Сила, заключенная внутри пословиц, их эмоциональный характер могут улучшить осознание человеком сегодняшнего дня посредством внимания к остроумным замечками россиянина, жившего в XIX веке. Таким образом, можно сделать вывод, что филология может изменить менталитет россиянина при профилактике правонарушений и предотвращения рецидивов.

Крисанов А.А.

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В ряду наиболее важных задач в ходе построения правового государства и гражданского общества в нашей стране выделяется проблема формирования соответствующего гражданского правосознания. Однако этот процесс затруднен существованием некоторых застарелых, но удивительно устойчивых стереотипов общественного сознания. К их числу, на наш взгляд, принадлежит один глубоко укоренившийся миф, присутствующий как в представлениях части элиты, так и в массовом сознании. Кратко его суть состоит в том, что часть образованного общества основную причину недостаточных успехов в построении правового государства видит в наличии у основной массы населения комплекса социокультурных представлений, связанных с «сервильной психологией». Внимание акцентируется на отсутствии какого бы то ни было правосознания и правовом нигилизме народа.

Другой стороной того же мифа является стойкая убежденность уже самого массового сознания в собственной бессилии в отстаивании своих

законных прав перед лицом произвола государства или организованной преступности. Подобное правосознание в период демократизации российского общества очень легко стало объектом либеральной критики. Довольно быстро на волне поиска истоков тоталитаризма и преград демократическому развитию эта критика последовательно перешла от разоблачения отдельных исторических личностей и обвинений в адрес «системы» к персонификации «зла» в образе «совка». Выяснилось, что главная «беда» нашего общества в том, что это общество бывших крестьян, сознанию которых, якобы, испокон веков была имманентно присуща невосприимчивость ко всякого рода «развитию» вообще, и правосознания, в частности. Аграрное общество так же, как и вышедшее из него общество советское, объявлялись немодернизируемыми, стоящими в стороне от магистрального пути демократического и рыночного развития, а, значит, обреченными неумолимым историческим роком на крушение.

Отказ в исторической перспективе обществу, находившемуся на этапе традиционализма или не так давно, по историческим меркам, вышедшему из него – не просто недостаточно научно обоснованная позиция. Это определенное историческое оправдание зачастую трагической исторической и социальной действительности, многого из случившегося или еще могущего произойти в результате «революционных преобразований» или «либерального реформирования».

В связи с поставленной проблемой необходимо попытаться ответить на два основных вопроса, априорно-тенденциозная интерпретация которых часто служит исходным моментом многих поверхностных рассуждений о перспективах посткрестьянских обществ. Во-первых, действительно ли традиционному сознанию крестьянства было присуще пренебрежение правом? Во-вторых, в какой мере правосознание традиционно-крестьянского общества действительно отличается от современного правосознания и в чем состоит это отличие, если оно все же существует?

Отвечая на первый из них, следует отметить, что существует литература по проблеме «национальных начал» отечественного права. Впервые историки обратились к обычному крестьянскому праву как к официальному источнику в первой половине XIX века. «Открытие» обычного права – выработанных веками и передававшихся из поколения в поколение неписаных норм, определяющих повседневную внутреннюю жизнь русской деревни, – породило многочисленные споры о его сущности, истоках, применимости и т. п., продолжавшиеся вплоть до начала XX века. Три основные позиции, обозначившиеся в ходе этого спора, состоят в следующем. Некоторые исследователи видели в обычном праве самобытное явление, типически отличающееся от права государственного. Другие в его появлении видели результат правового обособления крестьянства, осуществленного государством. Наконец, третьи настаивали на известной связи между писаным и обычным правом

и, отрицая исконную архаичность последнего, считали возможным рассматривать его как непрерывно эволюционирующее.

Последняя концепция представляется более адекватной в силу более убедительной обоснованности фактическим историческим материалом. Творчество в области обычного права было для крестьян делом повседневным. Изменения в социальной и экономической сферах настоятельно требовали совершенствования как обычного права, так и законодательства. Здесь поистине удивительным является тот факт, что система обычного права зачастую реагировала на эти изменения быстрее, чем государственное законодательство, приспособляясь путем корректировки соответствующих норм к новым условиям. Будучи в не связанной с землепользованием и государственными повинностями сфере общинной жизни практически предоставленными самим себе, крестьяне в форме неписаного права выработали уникальный социальный опыт, направленный на выживание в неблагоприятных социальных и природных условиях.

Однако и из государственного официального законодательства многое было известно в деревне. Сопrotивляясь наступлению государства и землевладельцев на свои права, крестьяне нередко использовали знание законов. Пути приобретения ими знаний о законах и самих законодательных текстах были различны, исторически изменчивы, но всегда удивительно изобретательны в условиях определенной социально-политической замкнутости и изолированности. Неизменным оставался обостренный интерес к тем вопросам, которые касались изменений политического, правового, экономического положения деревни. Причем исторические документы позволяют говорить не просто об определенном уровне самостоятельности крестьянского правосознания, воплощавшегося чаще всего в критическом отношении к конкретным государственно-правовым мерам, но и о крестьянском правотворчестве.

Разумеется, многие предложения отражали уровень правосознания наиболее развитой части крестьянства, но ведь именно она всегда выступала от имени всех остальных, представляла их интересы в отношениях с властями. Другое дело, что государство, представленное крупными землевладельцами, не шло навстречу этим, достаточно разумным, предложениям. Однако это не умаляет того факта, что авторы наказов осознанно стремились повлиять не только на экономическую, но и на социально-правовую среду. Они всерьез полагали, что все их предложения будут включены в Уложение, а потому попытались оформить значительную их часть в аргументированные модели правовых норм. В таких случаях явно преступалась грань, отделяющая позицию жалобщика и критика от позиции автора правовых требований. Здесь необходимо отметить, что некоторые черты государственной внутренней политики способствовали укреплению в крестьянской среде представлений о возможности апелляции к центральной власти при несправедливости местных правителей. Благоприятные решения

по части челобитных, позволение отдельным категориям крестьян подавать их прямо в Москву, на имя царя, возвращение ответов на такие прошения местным властям через просителей, происходившая время от времени кара наиболее злостных притеснителей – все это не могло не сказаться на крестьянском сознании. Память об этом оживет в 20-30-е гг. XX в., когда центральные органы власти и газеты будут буквально завалены тысячами посланий, наполненных не только жалобами, но и совершенно адекватными с точки зрения здравого смысла предложениями.

Эти факты свидетельствуют об очень важном явлении – попытках крестьян преодолеть базовый правовой императив феодального или тоталитарного общества, где каждый должен был знать «свое место» в общественной иерархии. В этом смысле можно считать деятельность авторов наказов и предложений правотворческой, фактически опережавшей свое историческое время и раздвигавшей правовые рамки своего сословия.

Крестьянство, несмотря на правовую приниженность, не оставалось безучастным ко многим социально-политическим вопросам своего времени. Оно имело свое определенное мировоззрение, которое состояло не только из норм обычного права. Мировоззрение крестьянства включало также совокупность взглядов на существующий общественный строй, юридико-правовые нормы, т.е. на вопросы, которые составляют суть юридических категорий земельного, гражданского, административного и уголовного права. Крестьянство не пассивно воспринимало все юридические законы, правовые нормы, которые регламентировали их личную, хозяйственную жизнь, политическое положение. Но поскольку законы издревле отражали интересы правящего класса, то в крестьянском сознании они отражались совсем по-другому и получали совсем иную интерпретацию.

Крестьянское понимание правомерности тех ли иных законоположений было тесно связано с социальным идеалом крестьянства, своей трактовкой понятий «общее благо», «всемирная польза», «обоюдная выгода». Правомерны лишь те законы, которые не нарушают естественное с точки зрения крестьянина право каждого на труд на земле и, пусть скромную, но гарантированную жизнь в пределах имеющихся ресурсов. Законы должны были гарантировать для каждого возможность пользоваться плодами своих трудов.

Принципиальным для постижения крестьянского правосознания является также понимание того, что оно не является неким «неразвитым» правосознанием в современном понимании этого термина, в чем мы уже убедились. Оно лежит в иной культурной плоскости, зиждется на ином миропонимании, в контексте которого и должно рассматриваться. Это сознание принадлежит миру, который существенно отличается от современности – миру «первозданной», «наивной», естественной общности, где люди общались с конкретными людьми,

а не с абстрактными институтами, представленными государством, правом и т.д. Только эта множественная личная связь, конкретные люди, но не государство посредством права, могли предоставить помощь – не дать погибнуть от голода в случае всевозможных природных и социальных катаклизмов, которыми так богата сельская жизнь.

Первая заповедь и смысл жизни крестьянина в доиндустриальном аграрном обществе – выживание. Но право само по себе не дает таких гарантий, оно лишь в определенных очерченных рамках дозволенного предоставляет возможности для развития, которыми могут воспользоваться далеко не все. Именно акцентуация внимания общества на участии таких «аутсайдеров», «милость к падшим», слабым или по тем или иным причинам оказавшимся неспособным к самостоятельному хозяйствованию членам общества, вероятно, и обусловила невозможность формирования в России «протестантской этики».

В крестьянском сознании было еще очень сильно христианское понимание человеческого предназначения и, следовательно, прав и обязанностей человека. Целостное нравственно-этическое сознание становилось перед почти неразрешимой проблемой – оно еще не могло разделить, дифференцировать, с одной стороны, закон, а, с другой, христиански понимаемую им Правду-Справедливость. В иерархии его ценностей справедливость не стояла выше, она просто отождествлялась с тем, что в официальном праве именовалось правомерным и законным.

Таким образом, в крестьянском правосознании имеют место тенденции, противоречивым образом влияющие на развитие современного массового правосознания. Являясь сложнейшим образованием, оно включало различные тенденции, которые могли в зависимости от исторических условий реализоваться или нет. С одной стороны, обращение к истории показывает неправомерность огульных обвинений в наличии у него своеобразного «комплекса раба» и в принципиальном отсутствии какого бы то ни было правосознания. Последнее с необходимостью присутствует у любого народа, т.к. представляет собой естественную и неотъемлемую составляющую культурного арсенала любого человеческого общества. С другой стороны, некоторые доминанты этого правосознания в силу определенных исторических причин уже не являются адекватными современному обществу. Однако если свести все правосознание крестьянства к этим доминантам, то придется констатировать, что формирование благоприятных социокультурных условий для успешного развития соответствующего потребностям эпохи правосознания в России будет иметь своим необходимым условием завершение уже давно начавшегося процесса разложения национального сознания и национальной культуры. Поскольку незавершенность процесса модернизации российского общества по-прежнему выдвигает описанные ценности на первый план.